

соучастия по изложенным ранее основаниям практически не увеличивает общественную опасность содеянного, то при организованной группе такая опасность чрезвычайно возрастает. Вот почему в законе целесообразно установить ответственность как за квалифицированное хищение лишь при совершении его организованной группой (независимо от формы соучастия по объективным основаниям), как это было до принятия уголовных кодексов 1959—1961 гг. — Указе от 4 июня 1947 г., и как это установлено в УК некоторых восточноевропейских стран. «Это позволило бы устранить завышение уровня групповой преступности, повернуть усиленную репрессию против относительно редких, но весьма опасных случаев организованной преступности» [7, с. 66]. Совершение же хищения по предварительному соглашению в элементарной форме следует рассматривать как простой (неквалифицированный) состав данного посягательства.

Представляется, что для установления единства в толковании и применении закона, определения его соответствия современному этапу развития общества, целесообразно под указанным углом зрения рассмотреть все составы преступлений, в которых соучастие является их конструктивной особенностью.

Список литературы: 1. *Владимиров В. А., Ляпунов Ю. И.* Ответственность за корыстные посягательства на социалистическую собственность. М., 1986. 2. *Курс советского уголовного права.* М., 1970. Т. II. 3. *Ляпунов Ю. И.* Спорные вопросы квалификации хищений социалистического имущества // Актуальные проблемы юридической науки на этапе развитого социализма: Краткие тезисы докладов и научных сообщений республиканской научной конференции, 16—18 октября 1985 г. Х., 1985. 4. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1987. 5. *О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества:* Постановление от 11 июля 1972 г. // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1977. Ч. 2 М., 1978. 6. *Советское уголовное право.* Общая часть. М., 1969. 7. *Тельнов П.* Дифференциация ответственности за групповые преступления // *Союз законность.* 1978. № 6. 8. *Тельнов П. Ф.* Ответственность за соучастие в преступлении. М., 1977.

Поступила в редколлегию 15.07.89

В. В. УСТИМЕНКО, канд. юрид. наук
Харьков

ВЛИЯНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ОТНОСЯЩИХСЯ К ЛИЧНОСТИ ИСПОЛНИТЕЛЯ, НА ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СОУЧАСТНИКОВ

В УК УССР предусмотрена ответственность за преступления, признаком субъекта которых являются личностные свойства: возраст, вменяемость, пол (ст. 117—118, 122); особо опасный рецидив (ч. 2 ст. 69¹, ч. 4 ст. 81, ч. 2 ст. 86); прежняя судимость (ч. 3 ст. 108, ч. 2 ст. 155, ч. 3 ст. 168); сильное душевное волнение (ст. 95); особое психофизиологическое состояние женщины

во время родов или тотчас после родов (ст. 96 УК). Входя в состав конкретного преступления, они в определенной мере определяют характер и степень общественной опасности деяния в целом. С учетом степени детерминации их можно подразделять на три группы. Это следующие личные свойства: 1) самостоятельно, в отрыве от других элементов состава преступления не влияющие на характер и степень общественной опасности преступления (возраст, вменяемость, пол); 2) понижающие общественную опасность деяния в целом (сильное душевное волнение, особое психофизиологическое состояние женщины при детоубийстве); 3) повышающие общественную опасность преступления (особо опасный рецидив, наличие прежней судимости).

При квалификации указанных преступлений неизбежно возникает вопрос о степени влияния личностных свойств, имеющих на стороне самого исполнителя — субъекта этих посягательств, на ответственность других соучастников.

Рассматривая первую группу, следует отметить, что возраст, вменяемость, пол, выступая в качестве личностного свойства субъекта преступления, не оказывают самостоятельного влияния на характер и степень общественной опасности преступления в целом. И лишь в совокупности с другими признаками состава они определяют степень общественной опасности преступного деяния. Так, вменяемость как психологическое свойство лица, совершившего преступление, являясь необходимым юридическим признаком субъекта, предопределяет его способность отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими. Само собой разумеется, что вменяемость не несет в себе «заряда» общественной опасности, ибо не составляет какого-либо особого свойства лица, совершившего преступление: она присуща не только ему, но и любому другому человеку. Поэтому вменяемость в отрыве от иных элементов состава не может предопределять общественную опасность преступного деяния в целом.

Аналогично должен быть решен вопрос и относительно таких признаков исполнителя, как возраст и пол. Поскольку в этих случаях на стороне исполнителя нет личностных свойств, которые бы отягчали или, напротив, смягчали ответственность, действия соучастников квалифицируются по той же статье УК, по которой и отвечает исполнитель, конечно, с учетом выполняемой ими роли (соисполнитель, организатор, подстрекатель, пособник). Такая квалификация общепринята в судебной практике. Например, в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 г. «О судебной практике по делам об изнасиловании» указано, что по ч. 3 ст. 117 УК (групповое изнасилование) должны квалифицироваться как соисполнительство действия лиц, лично не совершавших насильственного полового акта, но путем применения насилия к потерпевшей содействовавших другим в ее изнасиловании [6, с. 619]. Поэтому, если женщина применяет такое

насилие, она выступает соисполнителем данного преступления, равно, как и мужчина, совершивший непосредственно половой акт.

По вопросу вменения в вину другим соучастникам обстоятельств второй и третьей групп, относящихся к личности исполнителя, но смягчающих или отягчающих его ответственность, единство мнений отсутствует. Так, некоторые ученые, имея в виду обстоятельства, смягчающие ответственность исполнителя, полагают, что применительно к соучастникам эти обстоятельства не могут учитываться — они отвечают на общих основаниях [1, с. 47; 7, с. 60]. Другие же авторы занимают прямо противоположную позицию. М. И. Блум, говоря о детоубийстве, предлагала действия пособников и подстрекателей квалифицировать по той же статье, по которой отвечал исполнитель — мать-детоубийца [4, с. 252].

Касаясь обстоятельств, отягчающих ответственность исполнителя ввиду его особых личностных свойств, А. Н. Трайнин писал, что если соучастник осознавал отягчающий элемент состава, он отвечает, если не осознавал — не отвечает [9, с. 286]. Разделяя изложенный взгляд, М. И. Ковалев отмечает, что обстоятельства, относящиеся к характеристике субъекта, поскольку они являются конститутивными признаками состава, должны вменяться в вину всем соучастникам [3, с. 161—162].

Подобную мысль проводил М. А. Шнейдер, который считал, что соучастникам вменяется в вину повторность преступления, совершенного исполнителем, если это личное свойство образует отягчающее обстоятельство и имеет значение квалифицирующего признака [10, с. 75—76]. В принципе аналогично решает вопрос И. И. Горелик, считающий, что действия соучастника должны квалифицироваться по закону, который применяется к исполнителю преступления, на стороне которого имеются квалифицирующие обстоятельства, относящиеся к его личности [2, с. 28].

Вместе с тем немало противников данной точки зрения исключают вменение соучастникам обстоятельств, относящихся исключительно к личности исполнителя [5, с. 139—143; 8, с. 143].

Не существует единства и в судебной практике. В одних случаях соучастнику вменяются в вину квалифицирующие признаки личностного характера, имеющиеся на стороне исполнителя [2, с. 26—28; 11, с. 32], в других — напротив, такое вменение признается неправомерным [12, 1968, № 6, с. 14].

Прежде чем изложить свою точку зрения по указанному вопросу, представляется уместным дать краткий анализ значения личностных свойств в системе элементов состава преступления, их влияния на характер и степень общественной опасности деяния в целом. В УК, как уже отмечалось, личностное свойство предусмотрено в качестве обстоятельства, смягчающего ответственность лишь в отношении строго определенных в законе лиц. Речь идет о детоубийстве (ст. 96) и убийстве, совершенном в состоя-

нии сильного душевного волнения (ст. 95). За эти преступления установлено наказание (очевидно, выступающее внешним объективным критерием общественной опасности деяния в целом) более мягкое по сравнению с простым умышленным убийством (ст. 94). Такое более мягкое наказание, при тождественности объективных признаков состава преступления, установлено в законе лишь с учетом характеристики субъекта в момент совершения преступления, его особого психического состояния — сильного душевного волнения или психофизиологического состояния женщины во время родов или тотчас после родов.

Напротив, в ряде случаев личностные свойства виновного, выступая в качестве признака субъекта, значительно повышают степень общественной опасности преступления в целом. Это совершение преступления особо опасным рецидивистом (например, ч. 2 ст. 86, ч. 3 ст. 101, ч. 4 ст. 117, ч. 3 ст. 142 УК) или лицом, ранее судимым (например, ч. 2 ст. 162, ч. 2 ст. 80, ч. 2 ст. 161, ч. 2 ст. 168 УК). Признаком субъекта здесь выступают отрицательные социально-психологические свойства личности преступника. Указанные свойства личности, свидетельствуя о ее повышенной общественной опасности и характеризуя признаки субъекта преступления, выступают в качестве доминирующего признака состава по сравнению с другими (в частности, объектом, деянием и пр.). Их наличие в составе существенно повышает общественную опасность преступления в целом. Так, за грабеж, совершенный особо опасным рецидивистом (ч. 4 ст. 141 УК), санкция увеличена более чем в три раза по сравнению с санкцией за простой грабеж (ч. 1 ст. 141 УК). За хищение путем кражи, совершенное таким субъектом, санкция в пять раз больше санкции, установленной за простое хищение (ч. 4 и ч. 1 ст. 81 УК). Такое увеличение санкции при тождестве объективных признаков состава обусловлено тем, что субъектом здесь выступает особо опасный рецидивист. По аналогичным соображениям увеличено наказание и в отношении лица, имеющего судимость (например, ч. 2 ст. 162, ч. 2 ст. 155 УК).

Таким образом, по существу выделены специальные составы преступлений с учетом особых личностных свойств субъекта, которые либо смягчают либо отягчают его ответственность. Вместе с тем объективные признаки деяния всех составов преступлений являются тождественными. Например, в п. «З» ст. 93 УК предусмотрено умышленное убийство, совершенное особо опасным рецидивистом, в ст. 95 УК — умышленное убийство в состоянии сильного душевного волнения, в ст. 96 УК — умышленное убийство матерью своего новорожденного ребенка. Все эти преступления, описанные в специальных нормах, по сравнению с простым убийством (ст. 94 УК), которое предусмотрено в норме общей, различаются только по субъекту преступления, наличием на его стороне особых личностных свойств. Последние имеют значение лишь для самого субъекта, для его ответственности.

Все сказанное и должно определять ответственность соучастников преступления. Если личностные свойства исполнителя строго индивидуализированы в законе, характеризуют исключительно личность исполнителя, соучастник, даже если он и знает о наличии их на стороне исполнителя, не может нести за них ответственность. Квалификация его действий должна иметь место без учета смягчающих или отягчающих обстоятельств, имеющих на стороне исполнителя. Такое решение вопроса имеет как будто свое основание в ч. 2 ст. 51 проекта Основ, где указано, что отягчающие и смягчающие обстоятельства, относящиеся к личности отдельного соучастника, учитываются только при назначении наказания этому соучастнику. Однако, каким образом решить вопрос о квалификации действий соучастников в таких случаях? Однозначного ответа, основываясь на положениях ч. 2 ст. 51 Основ, дать нельзя, ибо в ней говорится лишь о назначении наказания соучастникам. Ее содержание можно истолковать так, что действия соучастника могут быть квалифицированы по тому же закону, который применяется к исполнителю, а лишь при назначении наказания учитываются отягчающие и смягчающие обстоятельства, относящиеся к личности отдельного соучастника. Данную норму можно трактовать и иначе: признать, что она охватывает не только вопросы назначения наказания соучастникам, но и учет личностных свойств при квалификации преступления.

Во избежание столь противоречивых суждений этот вопрос должен быть четко решен в законе. Примечательно, что из 400 опрошенных прокуроров и судей 312 признали принципиальную необходимость законодательной регламентации подобных ситуаций, что, по их мнению, будет способствовать упорядочению практики.

В данной связи считаем целесообразным дополнить соответствующую статью о соучастии будущего УК УССР таким положением: «Отягчающие и смягчающие обстоятельства, относящиеся к личности отдельного соучастника, влияющие на квалификацию преступления, вменяются в вину лишь этому соучастнику». В заключение отметим, что возможна и другая редакция, но нет сомнений в том, что такая норма в законе необходима.

Список литературы: 1. Глухарева Л. И. Уголовная ответственность за детоубийство: Уч. пособие. М., 1985. 2. Горелик И. И., Тишкевич И. С. Применение уголовного законодательства в судебной практике БССР. Минск, 1982. 3. Ковалев М. И. Соучастие в преступлении. Свердловск, 1962, Ч. 2. 4. Комментарий к УК Латвийской ССР. Рига, 1967. 5. Орымбаев Р. Специальный субъект преступления. Алма-Ата, 1977. 6. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1986. М., 1987. 7. Сташич В. В., Бажанов М. И. Преступления против личности в УК УССР и судебной практике. Х., 1987. 8. Тельноз П. Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. М., 1974. 9. Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления. М., 1957. 10. Шнейдер М. А. Соучастие в преступлении по советскому уголовному праву. М., 1958. 11. Ярославський В. Посилювати боротьбу з хабарництвом (Судова практика)// Рад. право, 1983. № 8. 12. Бюл. Верховного Суда РСФСР.

Поступила в редколлегию 17.07.89